

НИКОЛАЙ ЧУДОТВОРЕЦ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЗАГОВОРАХ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

О почитании святителя Николая Чудотворца на Руси написано немало. Б. А. Успенский, суммируя факты, свидетельствующие о специфике восточнославянского народного культа Николая Мирликийского, пришел к выводу: «Никола, несомненно, наиболее чтимый русский святой, почитание которого приближается к почитанию Богородицы и даже самого Христа» [Успенский 1982, 6]. Ранее Г. П. Федотов, исследуя русскую народную веру по духовным стихам, высказал еще более крайнее суждение: «Вера в него (в Николая Чудотворца. – Л. Ф.) означает самую суть христианской веры вообще» [Федотов 1991, 60].

«Популярность» святого в народе отражена в фольклоре [Белова 2004]. Его образ получил самобытное оформление в духовных стихах, колядках, обрядовых приговорах, заговорах и апокрифических молитвах, легендах и пословицах. Место, которое святитель Николай занимает в образной структуре большинства этих жанров, обусловлено комплексом представлений о нем, сформировавшимся в народном сознании на основе его жития и сказаний о чудесах (книжных¹ и устных); канонов, акафистов, служб, а также объединенных в них песнопений и молитв; иконографии.

¹ «Житие святого Николая Мир Ликийских Чудотворца – одно из самых популярных произведений Древней Руси, о чем свидетельствует большое количество дошедших до нас списков» [Крутова 1997, 119]. Церковь признавала истинным житие, созданное византийским агиографом Симеоном Метафрастом в X в. Именно его краткую редакцию включил в Великие Минеи Четии митрополит Макарий. Обычно к житию прибавлялись чудеса, совершенные святителем (как византийские, так и русские), и слова – описывающие отдельные события, похвальные и поучительные.

Известно и другое житие святого Николая Мирликийского, которое в действительности повествует о св. Николае Пинарском, архиепископе г. Пинар Ликийской области (где столицей был г. Миры). Он жил в VI в., т. е. спустя два столетия после архиепископа Николая Мирликийского [Там же, 119–120, 126]. Некоторые списки смешивают два этих жития и прибавляемые к ним чудеса.

Несмотря на кажущееся единство содержательной основы, жанровые реализации образа Николая Чудотворца различны. Наиболее специфическую картину демонстрируют заговоры, функциональная поэтика которых предполагает жесткий отбор образных характеристик персонажа². Действия, совершаемые персонажем, а следовательно, и атрибуты, необходимые для их выполнения, изначально определены прагматикой заговорного текста. Книжная или иконографическая основа при этом нередко лишь повод для включения персонажа в уже сложившийся и закрепившийся в традиции сюжетный мотив.

Не случайно заговоры формируют свою иерархию святых, которая не совпадает с церковной. В. Л. Кляус, называя святителя Николая в ряду христианских персонажей, наиболее часто упоминаемых в заговорных текстах восточных и южных славян, отдает ему лишь четвертое место после святого Михаила, Георгия Победоносца и Ильи Пророка³. А. В. Юдин относит Николая Чудотворца к группе универсальных персонажей заговоров, «способных выступать в большинстве функций помощи и защиты», а следовательно, к «высшим, наиболее сакральным и могущественным фигурам христианского пантеона» [Юдин 1997, 22]. Однако и у него Николай Чудотворец оказывается лишь на пятом месте после Иисуса Христа, Девы Марии, архангела Михаила, святого Георгия⁴. Естественно, количественный показатель не является главным. И всё же нельзя не отметить, что эти факты явно идут в разрез с утверждениями о главенствующей роли святителя Николая в пантеоне православных святых.

Отметим, что и набор функций, закрепленный за персонажем в заговорах, несколько отличается от той сферы его попечений, которая определена православной традицией и зафиксирована в списках святых, «имеющих особенную благодать помогать в разных болезнях и других нуждах». Согласно этим сводам Николай Чудотворец избавляет от потопления в воде, бед, печали [Щапов 1863, 63–

² Причем происходит это со всеми христианскими персонажами, заимствуемыми заговорами (см., например: [Фадеева 2000]).

³ Количественно это соотношение выглядит так: св. Михаил – около 150 упоминаний, Егорий Храбрый – 70, Илья Пророк – 40, Николай Чудотворец – 30 [Кляус 2000, 80].

⁴ Статьи ономастикона русских заговоров соответственно указывают на более чем 150 (Иисус Христос), 100 (Дева Мария), 126 (архангел Михаил), 86 (Георгий Победоносец) и 60 (Николай Чудотворец) упоминаний [Юдин 1997, 51, 53, 54, 77, 79].

64]; помогает в путях и дорогах [Адоньева 1993, 11]. Ему молятся «в благоустройстве жизни и плавании по водам», «когда затерялась дорога или напали грабители», «в заботе пристроить в замужество дочерей» [Попов 1993, 8–9, 14, 25]. По сведениям А.В. Терещенко, «между суеверными моряками считается два Николая: морской и мокрой. Первый управляет кораблями, а второй водами; оба невидимо присутствуют между ними» [Терещенко 1848, 45]. Заговоры не всегда следуют этой специализации святого, опираясь в большей степени на представления о его авторитете. Отсюда универсальность образа святителя Николая в заговорных текстах, его восприимчивость к характеристикам других христианских персонажей.

А.В. Юдин перечисляет функции Николая Чудотворца в заговорах по нескольким направлениям. В вывлеченных им текстах святитель

– *помогает* в пути, охоте (на лис, горностаев и др. пушного зверя – завлекает зверей в ловушки), ужении рыбы, вызывании и прекращении дождя, выпасе скотины (при первом ее выгоне), а также закрепляет слова знахаря;

– *защищает* свадебный поезд от колдунов, порчи и проч. несчастий; людей от колдунов, порчи, сглаза, болезней и проч., от врагов, начальства, любого оружия; скот от всех несчастий;

– *исцеляет* младенцев от грыжи, родимчика; людей от всех болезней, а также от килы (нарыва, любой опухоли, в том числе грыжи), рожи, усоевой, хомута, кровотечения из ран, укуса змеи, лихорадок-трясовиц, нечистых духов, уроков, сглаза, порчи, переполохов; скот от всех болезней;

– *избавляет* от огненного змея [Юдин 1997, 79–80].

В настоящей статье мы не будем рассматривать весь этот набор, а сосредоточимся лишь на некоторых функциях персонажа, позволяющих наметить связи заговора с книжным или иконографическим источником. Это прежде всего функции *исцеления-изгнания и уничтожения злых сил* (жолдунов и болезней) и *защиты-ограждения* от них.

Для решения подобных задач в заговоре часто используется образ Николая Чудотворца – воина. Он появляется в текстах, направленных на излечение людей от сглаза и порчи, укуса змеи (по вариантам – бешеной собаки), а также в оберегах скота (пастушьих отпусках). Здесь святой получает в качестве атрибутов разные виды оружия – лук и стрелы, копье и меч: «*На Окияне море стоит золот стул, на золоте стуле сидит Николай, держит золот*

лук, натягивает шылковую тетивку, накладывает каленую стрелу, станет <стрелять> уроки и призоры, станет стрелять отцеву думу и материну думу, и братьев думы, всех людей думы...» [Майков 1994, № 213; Ефименко 1878, 218–219 (№ 100)].

По наблюдению исследователей, отстреливание недугов – одна из важнейших функций Николая Чудотворца в заговорах [Юдин 1997, 80; Кляус 2000, 81]. Однако он редко выполняет ее один, обычно выступая вместе с Иллеем Пророком, Егорием Храбрым, архангелами Гавриилом и Михаилом, Кузьмой и Демьяном, Лукой и Марком [Кляус 2000, 81], а также Пресвятой Богородицей [Фадеева 2000а, 39–42]. Так создается образ святого воинства, поражающего злые силы в заговорах от сглаза и порчи: «... *Господь услыша молитву их, посла им святой крест на прогнание, Михаила Архангела, ангела Авоида, Илию Пророка и Николая чудотворца, и учнут вас разными муками мучити, мечами и жезлами железными бити, и стрелами пораждати, и дающе вам ненавидящим по тма тем ран и ударов на день, они же начаша вопити, великим гласом молитися святым чудотворцы Нифонт и Мароф, Киприан, Иустиния, Конон Исаврийский, Димитрий Ростовский, Михаил Архангел, ангел Авоид, Илия Пророк и Николай чудотворец; не мучите нас, и отпусти нас в гульбище наше, и где мы ваше святое и великое имя услышим, от того раба (имярек) побегим...*» [Забылин 1880, 346]; «<...> *Я прошу и призываю на помощь Николая Угодника, Егория Храброго, Михаила Архангела, прошу и призываю на помощь Ивана-воина, Михаила Степолита, Федора Тылина, Устиня Куприяна. Прошу и призываю на помощь святого Симона и Дмитрея Сальнского. И прошу на помощь всех святых угодников. Они будут ехать на вороных конях из-под красной зари, из-под светлого месяца, из-под ясного солнца. Будут ехать с лучами, с мечами, с калеными стрелами. О. В. (атаман Кияш и атаманиха Кияша. – Л. Ф.) лучами осветят, мечами посекут, стрелами пожгут, пепел ваш в океан-море снесут и кинут на дно, и скажут: "Пойдите вы сквозь донные!" <...>*» [Русские заговоры 1998, № 2185; см. также № 2186]. Число персонажей-помощников, отстреливающих недуги, настолько существенно, что нередко в одном тексте св. Николай упоминается неоднократно (иногда за счет именовании нескольких его чудотворных икон): «...*Грозный воевода Михаил архангел, Гавриил архангел, Никола Великорецкой, Можайский и Мирликийский, Илья Пророк на колеснице огнен-*

ной, Спас сотворенный, Спас преображенный, Унженский, берите луки, копыя вострыя, берите, втыкайте щепоту, ломоту на сине море, с синя моря на песчано море, на темные леса, на зыбучие болота...» [Майков 1994, № 216].

Таким образом, Николай Чудотворец попадает в число святых воинов – Георгия Победоносца, Федора Тирона, Димитрия Солунского, Никиты великомученика, Иоанна Воина, а также архистратига Михаила и всей ангельской рати. На иконах все эти лица изображались в военном облачении, с копьем и мечом. Военская атрибутика не чужда и иконографии святителя Николая. Она свойственна образу Николы Можайского, где вместо традиционных омофора и священной книги – Евангелия – в руках святого появляются меч и храм (модель города)⁵. Сочетание этих ат-

⁵ «Тип так называемый можайский есть произведение чисто русского творчества: тут святитель изображается во весь рост, в простой фелони или подряснике, с немногими признаками святительского одеяния, с лицом, непохожим на первый (византийский. – Л.Ф.) тип, с клинообразной бородой, с волосами, подстриженными в скобку, с выражением лица суровым и строгим, с мечем в правой руке и храмом в левой» [Верещагин 1901, 45]. Название свое он получил от города Можайска, где в соборном храме, освещенном в честь святителя, находился его чудотворный образ. История иконы Николы Можайского связана с явлением Николая Чудотворца во время осады города монголо-татарами. Тогда «в ободрение жителям Можайска и на страх врагам святитель чудесно показался в грозном виде – стоящим в воздухе над собором, держа в одной руке меч, а в другой изображение обнесенного крепостью храма. Неприятель так утрашен был этим видением, что снял осаду и бежал» [Вознесенский, Гусев 2001, 235]. В благодарное «кустроили благочестивые граждане почитаемое ныне резное изображение Угодника» [Там же]. Со временем этот образ стал почитаться как общерусская святыня. Так, А. Верещагин указывал на крестный ход с иконой Николы Можайского из г. Хлынова в г. Слободской Вятской губ. [Верещагин 1901, 41]. Широко известные копии этого образа – как резные из дерева, так и живописные (см., например: [Образ Николая Чудотворца 2004, 78–80, 142–147]). Однако указом Святейшего Синода от 21 мая 1722 г. «неискусно сделанные, резные или истесанные, издолбленные иконы» были запрещены (цит. по: [Верещагин 1901, 48]).

В некоторых местностях этот же иконографический тип был известен под именем Николы Ратного. А. Верещагин упоминал о церкви Николая чудотворца Ратного, построенной в 1567 г. на территории Спасского монастыря в г. Казани [Вереща-

рибутов, несомненно, наводило на мысль о защитной функции святого, утверждающего каменные стены града и охраняющего их⁶. Эта же идея своеобразно выражена в заговоре: «...И поставляет Господь Бог Саваоф, Спас наш Иисус Христос, Сын Божий, Царь Небесный, у того железного тына, у медных врат, святого великого святителя, и теплого заступника, и скорого помощника, Николая Мирликийского чудотворца; и святой великий святитель Христов, теплый заступник и скорый помощник, Николай Мирликийский чудотворец стоит у того железного тына и у медных врат, натягает своей медный лук, накладывает булатные стрелы, и стреляет, и отстреливает от меня, раба Б. (имя рек), всякия злая и лихия притчи, скорби и болезни: щипоту, ломоту, и двенадцать Иродовых дочерей, злую, лихую лихорадку <...> стреляет и отстреливает от того от железного тына, от медных врат, и отсылает всячать, откуда пришли...» [Забылин 1880, 332 (№ 19)].

Стрелы могут изображаться в заговорах не только как атрибут Николая Чудотворца – воина или метафорически передавать его действия, но и представлять противоборствующую силу, превращаться в оружие антагониста⁷. Так, в ратных оберегах находит продолжение функция святителя Николая – защитника Земли Русской, воплощенная в иконе Николы Можайского и в многочисленных легендах (ср., например: [Цеханская 1998, 21])⁸.

гин 1901, 45], а Б.А. Успенский – о чудотворной иконе Николая чудотворца Ратного из Белгородского Свято-Троицкого мужского монастыря Курской епархии [Успенский 1982, 30].

⁶ О восприятии Николы Можайского как национального святого, защитника отечества см.: [Успенский 1982, 29].

⁷ Об «обратимости» стрел, которые могут выступать в заговорах как атрибут персонажа-помощника и как направленный против него атрибут антагониста, см. подробнее в: [Фадеева 2000а, 41–42].

⁸ Она же прослеживается в рекрутском причитании (см. об этом: [Успенский 1982, 29]):

*Да хранил тебя Микола многомилословой,
<...>*

*Во бою да сохранил Он с неприятелем,
От оружьица ведь Он да завоенного;
И от искры сохранил тебя трескучей,
И от этого огня да он от плящего.
Впереди да Он Микола щитом берёт,
Позади да Он Микола мечом секе,
Посторонь да Он Микола огнем палит;
Тучи нет, а быв как гром гремит,
Грому нет, а искры сыплются
[Барсов 1882, 247].*

Кроме того, вспоминаются и чудеса святителя, связанные со спасением невинно осужденных от усекновения мечом. Они могли быть известны не только по различным спискам жития, но и по клеймам икон. Речь идет прежде всего о «Сказании о трех мужах, како святыи Никола избавил их от напрасной смерти» и о «Чуде о Христофоре попе, како его святыи Никола избавил от посещения меча» [Крутова 1997, 26–33, 62–63]. Изображение святителя, удерживающего оружие, занесенное над невинно осужденным, могло стать дополнительным основанием для включения его в ратные обереги.

В формуле, обращенной к стреле, имя Николая Чудотворца используется часто. При этом заговор варьирует эту формулу, представляя святителя в ряду других святых-помощников, либо образующих непроницаемую стену вокруг воина: «... Стой, стрела, не ходи ко мне, рабу Божию *имярек*. Стой, стрела, через *деву Марию* и через *главу Ивана Предтечи*, *крестителя Господня*, и через *Михаила и Гавриила*, и через *аггели исповедники*, и через *всех святых Христовых чудотворцов*, *Никола Мирликийских чудотворец*, и через *всех святых апостол*, и *всех отец 318*, и через *всех святых, которые сотворили волю Божию от починка света...*» [Великоустюжский сборник 2002, 213]; либо молящихся за него: «... О, стрела, стой, не ходи ко мне *молением великого чудотворца Николы*, и *молением чудотворца Петра*, и *Алексея*, <и> *Ионы*, *митрополитов всея Руси*, *новых чудотворцов*, и *молением святых апостол*, и *святых отец наших*, и *молением девиц и вдовиц...*» [Там же, 181]. Интересно, что один из подобных заговоров использует читку из 90 псалма, более известного как «Живые помощи»: «... *Буди помощник, святитель Николае*, *помогай и помилуй меня*, *раба Божия имярек*, *от всякия стрелы, летящия в день и в ночь*, *от ведунов и вещищ*. *Стрела, стой, не ходи на меня*, *раба Божия имярек...*» [Там же, 209].

В связи с этим примечательно указание на Николая Чудотворца как на покровителя военного дела, которое делает Н.С. Лесков, рассказывая о «каменсеченной» иконе святителя из г. Мценска Орловской губ.: «Икона эта вида "грозного и претрашного" – святитель Мир-Ликийских изображен на ней "в рост", весь одяен серебropозлащенной одеждой, а лицом темен и на одной руке держит храм, а в другой меч – "военное одоление". Вот в этом одолении и заключается смысл вещи: св. Николай вообще покровитель торгового и военного дела, а "мценский Никола" в особенности» [Лесков 1982, 297].

И всё же воинская ипостась Николая Чудотворца в заговорах явно вторична. Существенно то, что Никола часто присутствует в них пассивно, т.е. его имя лишь упоминается в ряду прочих святых, а основное действие – отстреливание недуга или охрана с помощью оружия и креста – передается Михаилу архангелу или Георгию Победоносцу. Ср.: «... *И на помощь святителем Николаем чудотворцем и святым Власием и Илиєю Пророкам, и Медостам патриархам сам Господь посылает архангела Михаила, грозного воеводу, со огненным оружием, пламенным копием около Власиевой пошерстной скотины крестьянского милаго живота, кругам всего скота оградить животворящим крестом, Господнею силою и прогнать все нечистые духи и запретить всем колдунам и колдуньям, по всем этим писанным и утвержденным обыходам и сильным заговорам к моему скоту, крестьянскому животу, никому не приступаться...*» [Майков 1994, 121 (№ 285)].

Таким образом, появление Николы в заговорах на отстреливание недугов может происходить вследствие перенесения на него образных характеристик других персонажей, в частности Христа⁹, который во многих примерах упоминается в ряду святых воинов. Отсюда и двенадцать учеников-апостолов, сопутствующих Николаю Чудотворцу в одном из текстов: «*Спускается с небес Николай скорый помощник с двундцати учениками, сядил Николае из три пещеры каменная, емлет Николае скорый помощник три лука золотополосые и три стрелы золотоперья, стреляет Николае и берегает меня р<аба> Б<оажия> и <мярек> от порченника, от порченицы, от колдуна и от колдуньи*» [Ефименко 1878, 191 (№ 53)].

В заговоре обычно подчеркивается огненная природа оружия, которым наделяются святые воины. Не случайно устойчивым при его характеристике становится эпитет «золотой»: *лук золот* [Майков 1994, № 213; Ефименко 1878, 218–219 (№ 100)], *золотополосый* [Ефименко 1878, 191 (№ 53)]; *стрелы золотоперья* [Там же]. Нередки и прямые указания на связь с огнем: *стрела каленая* [Майков 1994, № 213; Ефименко 1878, 218–219 (№ 100)]; *Русские заговоры 1998, №№ 2185, 2186*]; *копие пламенное* [Майков 1994, № 285], *оружие огненное* [Там же]. Не менее красноречиво обозначение действия, совершаемого с помощью этого оружия: *стрелы жгут*, *лучи светят* [Русские заговоры 1998, №№ 2185, 2186].

⁹ См. об этом: [Успенский 1982, 12].

Развитие этой темы идет по линии усиления атрибута-символа. Вместо огненной стрелы в руках персонажей-помощников появляется *молния*. Она тем более уместна в заговорах от укуса змеи. Так преобразуется древний миф о противостоянии Громовника и Змея. Причем функции Громовника, как правило, берут на себя Илья Пророк и Георгий Победоносец¹⁰. Однако ряд святых-помощников может и расширяться, включая Николая Чудотворца, а также архангелов Михаила и Гавриила: «...*Я пойду к самому Гавриилу да св. Николаю да попрошу их напустить грозного грома, грозну тучу, чтобы громам побило да молнией сожгло*». – «*О, раб Христов – человек, – не ходи к самому Христу, не пускай на меня грозного грома да грозну тучу, не бей меня ни громам да ни малоньей*» [Цейтлин 1912, 164; Курец 2000, 256 и 267]. Ср. с заговором от летающего в дом змея: «...*На море на Кияне, на острове на Буяне, на бел-горючем камне Алатыре, на храбром коне сидит Егорий Победоносец, Михаил Архангел, Илья Пророк, Николай Чудотворец, побеждают змия лютото, огненного, который летал в неверное царство пожирать людей, убили змия лютото, огненного, избавили девицу царскую и всех людей, и скот избави и отгоните...*» [Забылин 1880, 323 (№ 6)].

Связь образа Николая Чудотворца – воина с огнем (огненными стрелами-молниями) используется и в полесском заговоре от пожара:

*Святой отцэ Мыколай,
Прыступы да поможы,
Лэты до нэба стрэлой,
Бэры полыма з собой*
[Полесские заговоры 2003, № 738].

Мотив «сакральный покровитель, забирай огонь к небу» по вариантам закреплён за Богородицей и пророком Елисеем¹¹. Житие и чу-

¹⁰ «С первым его (Перуна. – Л.Ф.) объединяет функция громовержца, со вторым – функция змееборца» [Успенский 1982, 31].

¹¹ Упоминание Пресвятой Богородицы в заговорах от пожара можно объяснить через икону «Неопалимая купина», которая почти повсеместно считается оберегом от пожара. Сюжет иконы восходит к ветхозаветному прообразу, указывавшему на Богородицу, которая «до рождения Дева, в рождестве Дева и по рождестве Дева» [Сказания 1993, 564]. Неопалимая купина – терновый куст, который пророк Моисей видел горевшим, но не споровшим в огне [Исх. 3, 2]. Однако данная мотивировка объясняет специализацию Пресвятой Богородицы, защищающей от огненной стихии, но не дает ответа на вопрос, почему одной из возможных реализаций ее

деса свт. Николая не дают прямых указаний на возможность закрепления за ним данного мотива, что опять же говорит об универсальности образа святого, его способности выполнять функции других персонажей. Причем это единственный пример подобной реализации образа святого в заговоре. Однако вторичное усвоение Николой некоторых функций Ильи Пророка (а также замещающих его в данном контексте Богородицы и Елисея) подтверждает поверье, зафиксированное в Полесье: «*А грам, – создае Никола Светый с Илем прароком. Хмарой распаряжаеца Микола, а Ля ето грамам, волі небеснай. Хмара дзействие до Л'і, а ветер дзействие после Лл'і*» [Успенский 1982, 36].

Образ святого воинства возникает также в оберегах и заговорах, регулирующих общественные отношения (в частности, в «молитве ко власти приход»: «...*Стои надо мною Спас с Пречистою Богородицею и святой Иван Предтеча, и спереди идет великий святитель Николае со триста аггелы, и за мною идет святой мученик Георгий на кони, и с правые руки – грозный воевода Михайла <co> скипетром, на левые руки – Гаврил с працею. Березут меня, раба Божия имярек, от всякия притьчи и от зла человека всякого, от бояр, и от всяких властей, и от православных христиан*» [Корниловы 2002, 246]). Однако здесь воинская атрибутика и символы власти нужны не столько для поражения зла, сколько для создания непреодолимой преграды вокруг субъекта, произносящего заговор. Фактически перед нами «святыя на страже» – мотив, ти-

функции в заговоре становится увод огня на небо. Позволим себе предположить, что этот мотив соотносится с образом Богородицы по аналогии с чудесными событиями ее успения. Согласно раннехристианским апокрифам, тело Богородицы, погребенное в Гефсимании, было таинственно взято в Царствие Небесное. По сути, Дева Мария воскресает и уходит на небо (эти представления догматически оформлены лишь в католицизме [Аверинцев 1992, 113]), что, с одной стороны, напоминает о вознесении Христа, а с другой – об огненной колеснице, вознесшей в небо Илью Пророка.

В этой связи интересно и упоминание в заговорах от пожара с мотивом «сакральный покровитель, забирай огонь к небу» пророка Елисея. Ученик пророка Или, он был единственным очевидцем его вознесения на небо на огненной колеснице [4 Цар. 2, 1–15], после чего обрел способность творить чудеса. В народной традиции на пророка Елисея частично переходят некоторые функции Ильи Громовника. Так, у южных славян (в частности болгар) он является защитником от грома и грозы [Полесские заговоры 2003, 413].

пичный для кратких молитв-оберегов. Ср. оберег дома: «*Микола по дверям, Ангиль по углам, Сам Господь на одном!*» [Магницкий 1883, 9–10 (№ 53), ср.: Виноградов 1907, 91 (№ 119)] – и молитву на сон, «чтобы покойники не снились»: «*Ангелы в окна, Архангелы в окна. А Миколай Чудотворец – на пороге. А Иисус Христос – у галовы. Аминь. Аминь. Аминь*» [Курец 2000, № 338].

Святые создают ограду, чтобы защитить человека (как это было и в заговорах от оужия). Они внешняя граница, маркирующая «свое» пространство – место обитания человека и скота. Ср., например: «*Истинный Христос Бог и милостивый Божий светители Козьма и Домиан, Михаил и Гавриил – Архангелы Господни, грозные воеводы небесных сил, Николай Чудотворец, Власий Епископ Севастийский Храбрый, Фрол и Лавр, Меркурий Смоленский, Аверкий Иерапольский, Антоний и Федосий – Киево-Печерские Чудотворцы, и Святый честный Евангелисты Лука и Марк, Матвей и Иоанн Богослов, Херувими и Серафими, и все небесные силы, научите меня, раба Божия имярек, помогайте и пособите словом говорить и огорода ставить, оборона чинить на свое честное стадо, на милый живот, на крестьянский скот, на красную шерсть и на разные копыта, чтоб тот милый живот, крестьянский скот в место случить и огорода ставить, оборону чинить от серого зверя, от черного зверя, от бурого зверя... <...>*» [Курец 2000, № 423]; «... Умоляю Тебя, истинный Христос, Сын Божий, всемилосердный Божже, и Матерь Пресвятая Богородица, и святый архангел Михаил, грозный воевода небесных сил, святый Георгий Храбрый, и святые угодники Косма и Дамиян, Николай чудотворец, Василии, епископ Медостий Иерусалимский, Фрол и Лавр, Меркулий Смоленский, Аверкий Иерапольский, и святые евангелисты Матвей, Иоанн, Лука и Марко, и святые угодники Антоний и Федосий, киевские чудотворцы, херувими и серафими и вся небесная сила! Умоляю вас, научите меня, раба Божия (имя рек), пастуха ограды и обороны ставить кругом своего стада, крестьянского скота, милого живота разной шерсти двоекопытаго и однокопытаго, вместо на солучение, ко двору на прихождение. <...>» [Майков 1994, 114–115 (№ 285)].

С этой же целью может быть использован образ железного / медного / булатного тына (ср.: «... *Еще покорюсь и помалюсь Спасу сохранителю: и ты соблюди, спаси, всемилостивый Никола Можайский, Изосум и Савва-*

тий Саловецкие Чудотворцы, Тихон преподобный, Иоанн креститель, Иоанн друг, Иоанн зачатие Христово, Иоанн Златоуст, Иоанн постник и вся сила небесная, поставьте железный тын около меня, раба Божия (имя рек), от земли и до небеси, от веку и до веку, чтобы меня, раба Божия (имя рек), не испорчивать, не искалдовывать, не възглядывать и не видеть, и не слышать при пиру, при беседе, при всякой потехе и во веки по веки, отныне и до веку...» [Майков 1994, № 209]) или высокой горы, темного леса, быстрой, огненной реки (ср.: «*Святым апостолам Петру и Павлу, Святителю Николаю Чудотворцу и святому мученику Георгию Победоносцу, священному мученику Тихону и трем святителям – Василию Великому, Григорию Богослову, Иоанну Златоустому, Премудрым царям – Можайскому и Загорскому, Македонскому и Загорскому, прошу я, р<аб> Б<ожий> (имя): "Поставьте около моего скота и моей поскотины своей крепкий, железный и булатный тын, и около того тына железного и булатного стоят горы каменные, и около тех гор обошло синее море, и около того моря обошла сила небесная и от того черного зверя, широколапого медведя и медведицы, волка и волчицы, и перехожего зверя капостника, опрокидья и росамахи, и всякого гада, за Черное море, на Фаворския горы..."*» [Курец 2000, № 414]; «... *На том злате престоле сидит сам Господь Иисус Христос, Михаил архангел, Гавриил архангел, Иван Богослов, Иван Предтеча, Георгий Храбрый, Николай святитель, Христов угодник; я приду, раб Божий (имя рек), в чистоте, поклонюсь и помалюсь: "О батюшка истинный Христос, Михаил архангел, Гавриил архангел, Иван Богослов, Иван Предтеча, Георгий Храбрый, Николай святитель, Христов угодник, обставьте круг меня, раба Божия (имя рек), тын железный, верьи булатны на 120 верст, оком не окинуть, глазом не увидеть; пропускайте огненную реку..."*» [Майков 1994, № 221]).

Функция Николая Чудотворца – защитника, ограждающего от любого нападения злых сил, будь то ходячий покойник, колдун или разбойник (мотивы, типичные для легендарных повествований¹²), делает обязательным его включение в списки святых, воздвигающих железный тын. Однако и это еще не всё. Она позволяет обозначить этот тын в заговоре как

¹² Подробнее об этом см. в статье С.В. Алпатова «Николай Чудотворец в русских народных легендах» в этом номере альманаха (с. 31–39).

Николину ограду, равную по своей святой силе Иисусовой молитве: «Около нашего двора Иисусова молитва, Николина ограда – тын медный, ворота железны, аминем заперты, а на хорамах святая вода» [Ефименко 1878, 165 (№ 29)].

Железный / медный / булатный тын или другая преграда охраняют освященное пространство. Не случайно Николай Чудотворец замыкается в него вместе с человеком, произносящим текст оберега: «Выходжу я раба Божьжа, станяўлюсь пасрады двара. Са мной Микалай Угодник стаіць. Запрусь, загаварусь затворным замком. На абех баках ангелы стаяць. Хто идзець – прайдзець. Грабитель ва двор зайдзець – не зайдзець. Ноги адзеравянеюць, руки акамянеюць, глаза пацямянеюць. Кругом майго двара быстрая рака, крутая гара, цёмны лес. Аминь. Аминь. Аминь» [Лопатин 2004, № 27]. В неосвященное пространство, остающееся за пределами возведенной ограды, изгоняются злые силы и замыкаются болезни. Причем эта граница значима как при горизонтальном, так и при вертикальном членении мира: «...Есть море золото, на золоте море золот корабль, на золоте корабле едет святой Николае, отворяет морскую глубину, поднимает железные врата, а залучает от раба Божья (имя рек) усови аду в челюсти» [Майков 1994, № 90].

Образ железного / медного / булатного тына обычно предполагает включение в заговоры мотива замыкания ключами – замками. Ср.: «... И с востоку идет Господь наш Иисус Христос, и с полудня Михаил Архангел, с вечерней зари Миколай Милостивый, городят каменную ограду около раб. Б. (имя рек), замыкает тремя замками, тремя ключами; ключи относятся в океан море, под кит камень, в щуку рыбу...» [Забылин 1880, 378–379 (№ 6)]; «... И сойдет Никола милостив и снесет железа и поставит от земли до небес и запрет тремя ключами позолоченными, и те ключи бросит в океан-море» [Буслаев 1861, стб. 1513; Афанасьев 1994, 408].

Ключ является одним из самых распространенных атрибутов вне зависимости от целевой направленности заговоров. В оберегах он необходим для того, чтобы запереть ворота / тын. Замыкая человека, скот или окружающее их пространство, он становится символом этой защиты: «... И святых угодников Кузьму и Дамияна, Николая чудотворца, Власия епископа, Медостия Иерусалимскаго, Фрала и Лавра, Меркурия Смоленскаго, Аверкия Иераспольскаго, Антония и Федосия Киевских угодников, и святых четырех евангелистов Матвея,

Иоанна, Луку и Марка Богусловов, и двенадцать апостолов, херувимов и серафимов и вся небесная Силы умоляю: поставьте на злых духов диявольских, колдунов и колдуньев железный тын, верей булатные, ворота медные от земли на триста локтей до неба, от востока до запада, от лета до зимняго времени, от севера до юга, во всё красное лето по земли на двадцать поприщ, и замкните тридцать замками, и отдайте ключи святым апостолам Петру и Павлу в седьмое небо...» [Майков 1994, 118 (№ 285)]; «... Истинный Христос и Богородица Мати Божья, и святой истинный Козьма и Демьян, Михаил и Гавриил – Архангелы Божие, Грозные воеводы небесных сил, Николай Чудотворец, Георгий Храбрый, Фрол и Лавер, Меркурий Смоленский, Аверкий Иераспольский, Антоний и Федосий – Киево-Печорские Чудотворцы, и все Святые истинные Евангелисты Лука и Марк, Матвей и Иоанн Богослов, Херувими и Серафими, и все небесные силы, обставте круг меня, раба Божья имярек, и круг моего счетного стада, милого живота, крестьянского скота, на сохранение и на сбережение и в место на случение, ко двору на прихождение, от серого зверя, от черного зверя, от бурого зверя, от рыси и от росамахи, от портежника и от портежницы, и от лихого глаза, и от лихой думы, и от всяких скверн земных и лесных, и от всякого злого человека и лихого супостата, ставте, двенадцать Апостолов, тыны железные, ворота медные, верей булатные в землю тридцать лакот, от земли до неба, от востока до запада и со всех четырех сторон на десять поприщ, на десять верст, и замкните тридцать замками и ключами, и снесите тридцать ключей, и положите самому Господу Иисусу Христу в небеса, в нетленную ризу, под правую пазуху...» [Курец 2000, № 423].

Приведенные примеры показывают, что ключ, подобно стрелам, мечам и копьям, как правило, являлся атрибутом не одного, а целой группы персонажей-помощников, среди которых был и Николай Чудотворец. И всё же ключ был закреплен в традиции за строго определенным кругом персонажей. Среди них Иисус Христос, Богородица, Илья Пророк, Георгий Победоносец, апостолы Петр и Павел. Усвоение этого атрибута святителю Николаю происходит не только в восточнославянских заговорах, но и в польских пастушьих оберегах, на что обратил внимание Б.А. Успенский:

*Święty Mikołaju, weź kluczyki z raju:
Zamknij paszczkę psu wścieklemu,
Wilkowi leśnemu!*

*Niech po bydłatku i po cielatku
Krewki nie chlipają,
Skórki nie drapają.*

*(Святой Николай, возьми ключики от рая,
Замкни пасть псу бешену,
Волку леснаму!*

*Пусть у скотинки, у теленка
Кровь не пьют,
Шкуры не дерут)*
[Kotula 1976, 420]¹³.

Таким образом, заговор сохраняет представления о том, что святитель Николай является небесным привратником (ср. с аналогичными взглядами на апостола Петра [Успенский 1982, 122–125]).

Мотив замыкания зубов / жала / языка, с помощью которых злые силы наносят вред человеку, типичен для оберегов, а также для заговоров на подход к начальству, на суд и на изгнание болезней. Это действие может приписываться Николаю Чудотворцу (ср. в свадебных оберегах: «...Святой отец Христов Никола, и тебе ся малю по утру рано и по вечеру поздно, и среди белого дни. Замкни же теми ключами щеки и зубы у ведунов, и у ведуней, и у скимников, и у скимниц, и у попов, и у дьяков, и у понамарей, и у попадей <...> да ни чесо ж лиха не молвит на князя молодого, и на княгиню молодую, и на их поежан...» [Великоустюжский сборник 2002, 220–221]; «...И емли ту тридевят ключев святаго моря Окияна и царя Отрояна. Великий Никола, замыкай же ты челюсти, и зубы, и языку у ведунов и у ведуний, у колдунов и у колдуний, и у скимников и у скимниц, у чернцев и у черниц, у вдовцов и у вдовиц...» [Там же, 222]). Однако Никола может выступать и в ряду других персонажей, типичных для реализации этой заговорной темы:

*Свѣты Юрей, моли Бога,
И свѣти Микола,
И свѣта Божья Мацерь,
Сѣдаце за стол,
Берице сорок ключей у припол,
Замукайце врага
Зубу, губу и уста,
Штоб не ввели у моей коровы молока*
[Полесские заговоры 2003, № 784].

Или: «...Святы Юрий, святы Ягорый, святы Отчэ Микалай, замкни суддзям-присуддзям зубы, губы, трэцици язык залатыми замочка-

¹³ Подробнее см.: [Успенский 1982, 49–52].

ми, сярэбраныи ключыкамаи, штоб языком майго имени не абвиниць, а урагу палатном глаза заслаць...» [Лопатин 2004, № 24]; ср. также: «...Михайло-архангел, Гавриил-архангел, Никола милостив! Сидите с небес и снесите ключи и замкните колдуну и колдунье, ведуну и ведунье и упиру накрепко и твердо» [Буслаев 1861, стб. 1513; Афанасьев 1994, 408].

Ключ может и отпереть замкнутое пространство (ср. мотив отмыкания родов, молока). В заговорах на отмыкание молока Никола Чудотворец предстает хранителем водных ключей: «...На том бреге, на той сосне сидит Олексей, человек Божий, святитель Христов Никола-батюшка, Пресвятая Госпожа Елена-матушка, открывают и отмыкают ключи подземельные. И так откройте и отмыкните у рабы Божьей Елены все жилы молочные <...>» [Русские заговоры 1998, № 25]¹⁴. Это еще раз подчеркивает земную природу образа, его связь с урожаем и плодородием.

В заключение отметим, что святитель Николай Чудотворец не получает в заговоре специфических, свойственных только ему функций. Он каждый раз включается в уже разработанную заговорную тему, с которой соотносится обширный круг христианских персонажей (даже если речь идет о соответствии этой темы содержанию житийных и легендарных повествований о нем, а также наиболее известным иконографическим типам – таким как Никола Можайский). Это касается не только мотива молитвенного заступничества святых, необходимого для оформления определенных композиционных фрагментов заговора (как правило, начала и заключения), но и рассмотренных в настоящей статье мотивов отстреливания и замыкания, направленных на изгнание и уничтожение злых сил (колдунов и болезней) и защиту-ограждение от них.

¹⁴ Ср. с заговором на отмыкание молока, который обходится без мотива отпирания ключами, но прибегает к типичному для него кругу персонажей-помощников: «<...> На том престоле сидит Святая Богородица, Царица небесная, Михаил Архангел, грозных сил воевода, Николай Чудотворец, двенадцать ангелов, двенадцать архангелов, двенадцать апостолов. Я, раба Божья, перекрещусь и поклонюсь и помалюсь. "Погладьте и падайте мою коровушку (или козлушку) по костям, по жилочкам, по вымечкам, по сосцам, чтобы стекалось молочко из хрящичков, из косточек в жилочки, из жилочек в вымечко, из вымечка в житечко, из житичек в подоенку, из подоенки в криночки, превращайте в густую сметану, в желтое масло". <...>» [Русские заговоры 1998, № 1009].

Литература

- Аверинцев 1992 – *Аверинцев С.С. Мария // Мифы народов мира. М., 1992. Т. 2. С. 111–116.*
- Адоньева 1993 – *Традиционная русская магия в записках конца XX века / Сост. С.Б. Адоньева, О.А. Овчинникова. СПб., 1993.*
- Афанасьев 1994 – *Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1994. Т. II.*
- Барсов 1882 – *Барсов Е.В. Причитания Северного края. Ч. 2: Плачи завоенные, рекрутские и солдатские. М., 1882.*
- Белова 2004 – *Белова О.В. Николай // Славянские древности: Этнолингв. словарь в 5 т. М., 2004. Т. 3. С. 398–401.*
- Буслав 1861 – *Буслав Ф.И. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков. М., 1861.*
- Великоустюжский сборник 2002 – *Великоустюжский сборник XVII в. / Предисл. и публикация А.А. Турилова, А.В. Чернецова // Отреченное чтение в России XVII – XVIII веков. М., 2002. С. 177–224.*
- Верещагин 1901 – *А.В. (Верещагин А.) Почитание на Вятке Николая Можайского в XVII веке // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1902 г. Вятка, 1901. С. 36–49.*
- Виноградов 1907 – *Виноградов Н. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. СПб., 1907. Вып. I.*
- Вознесенский, Гусев 2001 – *Житие и чудеса св. Николая Чудотворца, Архиепископа Мирликийского, и слава его в России. В 2 ч. / Сост. А. Вознесенский, Ф. Гусев. М.: Изд-во ПСТБИ, 2001.*
- Ефименко 1878 – *Ефименко П.С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. II: Народная словесность // Известия этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при имп. Московском ун-те. М., 1878. Т. 30, кн. V. Вып. II.*
- Забылин 1880 – *Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Собр. М. Забылиным. М., 1880.*
- Кляус 1997 – *Кляус В.Л. Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян. М., 1997.*
- Кляус 2000 – *Кляус В.Л. Сюжетика заговорных текстов славян в сравнительном изучении. К постановке проблемы. М., 2000.*
- Корниловы 2002 – *Заговоры и молитвы из коллекции Корниловых / Подгот. текстов и коммент. А.В. Пигина // Отреченное чтение в России XVII – XVIII веков. М., 2002. С. 241–249.*
- Крутова 1997 – *Крутова М.С. Святитель Николай Чудотворец в древнерусской письменности. М., 1997.*
- Курец 2000 – *Русские заговоры Карелии / Сост. Т.С. Курец. Петрозаводск, 2000.*
- Лесков 1982 – *Лесков Н.С. Левша // Лесков Н.С. Рассказы и повести. М., 1982. С. 291–310.*

Лопатин 2004 – *Белорусские рассказы о чудесах святого Николая / Публикация Г.И. Лопатина // Живая старина. 2004. № 2 (42). С. 35–40.*

Магницкий 1883 – *Магницкий В. Поверья и обряды (запуки) в Уржумском уезде Вятской губернии. Вятка, 1883.*

Майков 1994 – *Великорусские заклинания. Сборник Л.Н. Майкова. СПб., 1994.*

Образ Николая Чудотворца 2004 – *Образ Святителя Николая Чудотворца в живописи, рукописной и старопечатной книге, графике, мелкой пластике, деревянной скульптуре и декоративно-прикладном искусстве XIII – XXI вв. Из собрания музеев и частных коллекций Северо-Западного региона России. Никольские монастыри и храмы, часовни. Города, селения и местности, посвященные св. Николаю: Каталог выставок. Вологда, апрель – май 2004 г. / Авт.-сост. А.А. Рыбаков. М., 2004.*

Полесские заговоры 2003 – *Полесские заговоры (в записях 1970 – 1990-х гг.) / Сост., подгот. текстов и коммент. Т.А. Агапкиной, Е.Е. Левкиевской, А.Л. Топоркова. М., 2003.*

Попов 1993 – *Попов Евгений, протоиерей. Святые, имеющие особенную благодать помогать в разных болезнях и других нуждах. М., 1993.*

Русские заговоры 1998 – *Русские заговоры и заклинания: Материалы фольклорных экспедиций 1953 – 1993 гг. / Под ред. проф. В.П. Аникина. М., 1998.*

Сказания 1993 – *Сказания о чудотворных иконах Богоматери и о Ея милостях роду человеческому. Коломна, 1993. Т. 2.*

Терещенко 1848 – *Терещенко А.В. Быт русского народа. СПб., 1848. Ч. 6.*

Успенский 1982 – *Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982.*

Фадеева 2000 – *Фадеева Л.В. Богородица в русских заговорах (роль христианских источников в формировании образа): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000.*

Фадеева 2000а – *Фадеева Л.В. Символика Страстных икон Богородицы в заговорах // Традиционная культура. 2000. № 2. С. 35–42.*

Федотов 1991 – *Федотов Г.П. Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. М., 1991.*

Цейтлин 1912 – *Цейтлин Г. Знахарства и поверья в Поморье: Очерк из быта поморов. Архангельск, 1912.*

Цеханская 1998 – *Цеханская К.В. Икона в жизни русского народа. М., 1998.*

Щапов 1863 – *Щапов А.П. Исторические очерки народного миросозерцания и суеверия (православного и старообрядческого) // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1863. Ч. XVII, январь.*

Юдин 1997 – *Юдин А.В. Ономастикон русских заговоров: Имена собственные в русском магическом фольклоре. М., 1997.*

Kotula 1976 – *Kotula F. Znaki przeszłości. Odchódzące ślady zatrzymać w pamięci. Warszawa, 1976.*

